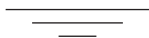

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

ВЛАДИМИР ТИТОВ

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т 45

Титов В. А.

Т 45 Хождение за три моря. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-907498-89-1

В этой книге автор пытается взглянуть на жизнь, их личную и на мироустройство в целом, глазами своих героев. Это совсем разные люди, живущие в разных городах, странах и континентах даже: художники, музыканты, литераторы, деревенские жители и просто случайные знакомые, порой неожиданно эксцентричные, с витиеватыми судьбами, а то и непонятные, как знак вопроса.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907498-89-1

9 785907 498891 >

© В. А. Титов, текст, 2025

© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Хождение за три моря	7
Гниль	79
Несмешные анекдоты	138
«Это надо же, как оно вышло...» (Происшествие на Гудзоне)	152
Сказка	158
Пик, Треф, Бубновая	167
Теперь мы встречаемся в Москве, в ГУМе у фонтана	178
История его жизни	187
Зигзаг	206
Палата	217
Большевик	225
Заря над океаном	234
На Марне	240
Снегопад	247
Елочка	251

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Уже прошел первый контроль, толпа засасывает вглубь зала, а она все стоит, ныряет глазами по мятущейся толпе, не теряя чтоб из вида. Новый кордон сгрудил толпу, каша прыгающих голов: снимай верхнюю одежду, выворачивай карманы. Подгонялы просят не задерживаться, проходить вперед. И все ж оглядывается и видит в толпе кусок рыженькой ее шубки, лицо, пятном просто, но он знает, видит — тревожные, ищущие глаза. Он поднимает руку и долго машет — может, заметит, — да, поднимается над толпой маленькая ручка, заметила. Паспортный контроль: теперь влево вдоль стеклянной стены, и наконец движущаяся лестница забирает вниз, окончательно отделяет его от ТОГО мира. Перед пастью эскалатора задерживается, не надеясь на чудо, оглядывается и с трудом, едва замечает — стоит... До конца, до последней возможности увидеть.

А минут тридцать назад ткнулись в друг друга, вроде как наспех, попрощались. «Вот так вот, — думал Тимофей, — и скроилась жизнь из таких вот прощаний-свиданий».

А вдруг вот так все оборвется и не увидеться никогда?.. — Нет, не может такого быть. Это всегда будет.

И хотелось кинуться назад, схватить и не отпустить. И зачем все это, кто тебя гонит... Но по-другому, он знал, не получается. По одну сторону — самые родные существа (когда встречали, разом, и дети и она висли на нем; дети с визгом, она молча, уткнувшись носом), по другую — тот край, без которого невозможно существование.

* * *

Ну и как это понимать? И злость уж прошла, голод притупился, недоумение вот не уляжется никак. Приглашал к шести. От работы ей пешком, если на каждом шагу рот раскрывать, — минут пятнадцать.

В начале десятого подогрел остывшую давно фасоль, в большую миску алюминиевым с зазубринами половником налил до краев, посыпал зеленью; масла подсолнечного добавил; без аппетита стал есть. А ведь три часа назад казалось, сотворил чудо кулинарное.

Было за ним такое. Откроет для себя что-то новое, и уж кажется, что и всему миру это так же удивительно. Лет семь назад обратил внимание на красоту форм любой совершенно посуды: будь то бутылки, чашки фарфоровые, самые простецкие тарелки в столовке, — везде форма, которой можно любоваться. И ко дню рождения преподнес матери огромное, купленное в антикварном магазине за немалые деньги фарфоровое блюдо, которому мать не могла найти не только применения, но и места.

Недавно он полюбил фасоль (в детстве так от одного запаха воротило), и теперь думалось ему — нет вкусней блюда; и, пригласив свою новую знакомую на ужин, хотел удивить.

Женщины вообще-то его вниманием не баловали. Была у него школьная любовь, которая, впрочем, и обратила на него внимание лишь за то, что заметила, как он на нее глаза вытарачил. И, когда всем вокруг стало это видно, друг его, первый в школе красавец, из озорства просто, подмигнул ей, и она кинулась к тому на шею. И он понял, что с такой внешностью (никакой) ожидать особенно нечего. Были потом, во взрослом уже возрасте разные мимолетные увлечения; и красавицы там были, но все как-то глупы и никчемны. Трудно было представить, что с кем-то из них мог он связать свою жизнь.

А эта... Делась-то куда? Испугалась, может? Предыдущую подругу нужно было встречать на улице; одна категорически отказывалась подниматься на чердак восьмиэтажного дома пешком по черной лестнице с дикими кошками в полной тьме. А гости, приходившие впервые, пройдя пару пролетов, возвращались, считая, что ошиблись, — не может тут никто жить.

Около двенадцати улегся спать. Разбудил стук в дверь. Сначала вкрадчивый такой, извинительный, затем бесцеремонный. На часах начало второго. «Господи, спал-то как сладко».

Она улыбалась, весело, беззаботно.

- А я в гости зашла тут рядом, через бульвар.
Сняла шубу и из сумки достала маленькие голубые тапочки.
— Ты что, везде со своими тапочками ходишь?
— А что же я, три дня в сапогах тут сидеть буду?
— Вообще-то я приглашал на ужин, к шести. Какие три дня?
— Завтра суббота, воскресенье, и в понедельник у нас праздник.
— Какой?
— Религиозный, не знаю, как по-русски называется, у нас это нерабочий день.

* * *

Зима семьдесят девятого была все рекорды. Температура опускалась ниже сорока. День на чердаке начинался с того, что надо было выскоблить лунку в окне, чтоб пробился свет через иней толщиной с палец. Теперь можно работать.

У детей обычно, пока подрастут, двадцать раз меняются планы в выборе профессии. Чуть постарше всерьез ломают голову, куда податься. Тимофей ни в каком возрасте не задавал себе таких вопросов. Он знал — он художник, вот и все. А из стремлений — лишь стать художником хорошим. Я художник-любитель (любимый каламбур) — я влюблен в искусство. Никаких других интересов не было. Имущество всего — рабочие материалы да одеяло с подушкой. Угла своего тоже не было, прыгал по Москве как заяц, и это ничуть не тяготило. Ощущал даже некую легкость — весь мир принадлежит ему: штаны подтянул, пошел дальше. На новом месте устраивался по-солдатски: вошел, глянул, откуда падает свет, куда холст ставить, — готово, ты дома. Как-то пришлось заселяться ночью. Район новостройки. Новый дом даже не заселен полностью. Квартира пустая, первый этаж, и мороз жгучий, да с ветром, и казалось, дом пронизывал насквозь. Завалиться спать на полу, что в общем было привычно, не решился. По полу не сквозняк даже, а уличный свистал ветер.

Нет кровати — сделай. Напротив стройка. Забор, корявые, нетесанные доски — горбыли на профессиональном языке, где через одну, где кучей, наспех сбитые, чтоб только ветром не растрепало. Оторвал

несколько досок, набрал десятка два кирпичей, поставил четыре столбика, накрыл горбылем — вот и койка.

Чердак же достал ему Витька-милиционер. Витька, этот самый, был художник — хороший, надо сказать, художник. С внешностью громилы, которых хочется обойти стороной в темном переулке; весь какой-то темно-косматый, длинные всклокоченные волосы соединялись с такою же бородой, оставляя лишь глаза. И те тоже тяжелые, страшные; даже когда улыбается, в них что-то роится тайное, а прямой взгляд вынести просто трудно. И вот это-то страшилище писал чудные, нежные цветы. Мастерская его в старом доме, занимавшая весь этаж, была напротив центрального рынка, и круглый год, зимой и летом, повсюду стояли живые цветы, и на холстах они цвели не хуже.

— Тебе надо к Витьке- милиционеру, он найдет тебе место. — сказали знающие люди.

Витька действительно в недавнем прошлом был самым настоящим ментом. Приехав учиться из далеких зауральских краев, окончил институт и, чтоб без проблем остаться в Москве, поступил в милицию. И прослужил там, пока не приобрел неплохую квартиру, женился к тому времени, но самое примечательное, используя многочисленные связи (хваткий был парень) по ментовской линии, многим художникам и себе, конечно, устроил прекрасные мастерские.

К двум часам, как было назначено, Тимофей поднимался к Витьке на второй этаж. В пролете между этажами у окна, облокотившись на подоконник шириной с кровать, стоял маленький человечек.

— К Витьке?.. Его еще нет, я тоже жду.

Тимофей остановился. Человек запрыгнул, уселся на подоконник.

— Сыграем? Когда-то он еще придет. — В руках колода карт.

— Не, я не играю.

— Да просто время чтоб провести, давай, — и назвал неизвестную Тимофею игру.

— Да я не умею.

— Я покажу, это просто. Играть не будем, просто покажу тебе, увидишь, как это интересно. Вот смотри: раздаю — тебе, себе. Теперь,

допустим, я ставлю две копейки, ты тоже две. Показываешь, я тоже — у тебя больше, ты выиграл, как в покер. В покер играешь?

— Да нет, я вообще не играю.

— Да это же интересно, смотри, например, ты можешь сделать так. — Энергия не помещалась в его маленьком теле, вот-вот разорвет на куски; слова захлестывали мысль, получалась каша, и сам весь такой вертлявый, как червяк. — Ставишь ты, допустим, рубль, а я должен уже минимум три.

Тут он вытащил из кармана трешку и повертел под носом.

— Но ты теперь должен поставить... — Теперь смотрим карты. — Я выиграл, с тебя семьдесят пять рублей.

— Кому тут семьдесят пять рублей? — Витька поднимался по лестнице. — Ты что тут, будешь друзей моих обирать? Не вздумай ему ничего давать (Тимофею). — И вертлявому: — Следующий раз замечу твои фокусы, с лестницы спущу.

Вертлявый прикусил язык.

Непонятно, какие у них были дела, но они так и не сказали друг другу ни слова.

Витька водил Тимофея по комнатам, показывал картины, штуковины всякие занимательные. Появился новый гость. Раздувшийся во все стороны бегемот в форме полковника милиции. Дышал тяжело, ступал медленно, говорил степенно, снисходительным тоном и лениво улыбался.

— Витек, опять эта ... с верхнего этажа жалобу на тебя настрочила — «шумишь», пишет. Может, определить ее на пятнадцать суток? Она как, выпивает?

— Не, совсем не пьет.

— Ну ты зазвал бы ее, налил там наперсточек, а мы оформим.

— Да нет, с ней не договоришься.

— Ладно, разберемся, не твоя забота. О, достал-таки! — Глазки вспыхнули, полковник взял в руки страшный кривой нож.

— Я ж обещал, настоящий таджикский, а тяжелый какой; сталь, сталь, обрати внимание. Из Душанбе привезли.

— Уважил, уважил, благодарю...

Тут Витька дернул Тимофея за рукав, потащил в соседнюю комнату.

— Значит, так, за мастерскую с тебя семьсот рэ. Выбери, кому платить будешь. Можно вот этому, прямо сейчас, или начальнику ЖЭКа, завтра.

Нет уж (чур меня). Тимофей глянул в сторону соседней комнаты.

— Лучше уж начальнику, завтра.

Выйдя на улицу, Тимофей не сразу и заметил, откуда-то из-под руки возник вдруг вертлявый, пристроился рядом.

— Так это... должок за тобой.

— Какой должок?

— Карты дело святое, надо отдавать...

— Послушай, мы с тобой не играли, ты просто показывал игру, все.

— Как это? Я ж тебе и деньги показывал.

— Но я тебе ничего не показывал.

— Неважно, долг есть долг.

Он забегал то слева, то справа; семенил за Тимофеем, забегал вперед, заглядывал в лицо...

— Ладно, давай так, — предложил вертлявый. — Идем сейчас в магазин, ты берешь литр водки, мы его вместе выпиваем, и мы в расчете. Идет?

Тимофей мог бы послать его в самое дальнее место, но понял, что прилипало будет ходить за ним целый день или месяц.

В магазине была небольшая очередь, вертлявый сразу оказался первым. Взяли две бутылки. У магазина оказалось маленькое кафе-стекляшка. Взяли закуски, сели.

— Ты понимаешь, — начал вертлявый, — я игрок, профессиональный игрок. (Одну бутылку он сразу (слава Богу) засунул в боковой карман, другую откупорил.) Я и шофером на автобусе работал, и таксистом, я ж рабочий класс. Но все бросил, играю только. Иногда за день у меня появляется такая куча денег, сколько работяга не видит и за полгода. А на следующий день — опять ноль. Я уж два года, как в Израиль собрался: нужны деньги, заплатить там за всякое такое... Так не могу никак донести, выплывают из рук. Держу вот кучу эту, а донести не удается.

* * *

И теперь, в самолете, Тимофей, вспоминая этот эпизод, думал: «А многим ли я отличаюсь от того смешного человечка».

С чего вообще это началось? Может... Тимофей никак не мог соединить обрывки памяти в цельную мысль. Почему-то вспомнилось, как пришли к нему домой «агитаторы».

Живя в России, он ни разу не ходил на выборы. Ах, да: терпеть не мог, когда выставляют его дураком.

— Вы на выборы собираетесь? — спрашивают. — Вечер уже.

— Я занят, — отвечал Тимофей.

— Но как же, выборы ведь...

— Какие выборы? Вот когда в столовой я смотрю меню — вижу: на первое — суп куриный, солянка, борщ, суп гороховый, — вот я выбираю. А если предлагается только гороховый суп, какой тут выбор? До свидания.

И выпроводил гостей.

Вечная эта борьба за независимость. Вечный страх, как бы не попасть в положение, где могут тебя унижить, даже если никто этого не видит, не поймет, т. е. быть униженным перед самим собой. А может, где-то он неправ. А не гордыня ли это? Известно ведь, по христианским понятиям, гордыня — страшный грех.

Вечером с Николь сидели на чердаке, она приходила теперь часто. Пришла знакомая художница. Разговор повернулся в сторону образа существования его, Тимофея.

— Ты вот, — говорила подруга, — живешь тут на птичьих правах, из профсоюза тебя выставили, т. е. ты никто. А на следующий год в Москве проводится олимпиада, и поговаривают, что, безопасности ради, Москву подчистят от всякого рода подозрительных элементов: бродяг всяких, алкашей и прочих антисоциальных личностей. Перетрясут весь нежилой фонд города — тебя это напрямую все касается, — очистят все незаконно занимаемые площади. Тебе надо срочно поступить в Союз художников.

— Вот, слушай, что тебе знающий человек говорит — Николь.

Тимофей расхохотался.

— Я хочу прожить жизнь, жизнь художника прежде всего, вне всяких обществ, союзов-профсоюзов. Рембрандт в каком союзе состоял?

— Ты еще древних греков вспомни.

— А что, хороший пример. Человек, художник тем более, сам должен определять себя как личность, а не корочкой идентифицировать свое «я».

Он только избавился от опеки одной организации, чтоб влезть в другую?.. Была такая странная профсоюзная организация, объединявшая художников, трудившихся в полиграфической индустрии. В социалистическом обществе все должны были трудиться, хотя бы формально. Когда Тимофей — было такое время — работал внештатным художником по московским издательствам, его и воткнули в этот профсоюз. Таким образом, Тимофей приобрел статус трудящегося. Потом там появились живописцы: записали в организацию (организовали) шлявшихся до того по улицам неприкаянных одиночек, и организация вконец запуталась в своем определении.

Удивляло Тимофея другое. Как солидные художники почтенного возраста, недавно совсем беззаботно расхаживающие по улице, теперь с прикрученными хвостами лебезили, заглядывали в глазки и называли толстомордого мальчишку (он таким и был по возрасту) по имени-отчеству — назывался он, кажется, «председатель», — в то время как тот незаконно занимал свой пост. Он не был художником, стало быть, и не мог быть членом этого профсоюза, а уж председателем... — это выборная должность, этого же просто прислали из совсем другой организации.

Тимофей никогда не ходил ни на какие собрания и, если по крайней надобности оказывался в этом заведении и издали даже видел начальство, испытывал гжучее унижение. А столкнувшись, скажем, в коридоре нос к носу, демонстративно не здоровался. Незаконно существующий предмет — не существует.

Николь:

— Тим, Таня права, надо тебе в этот союз поступить.

— Во, во, объясни ему, Николь, высылай дурака на сто первый километр, и будешь сидеть там.

— А что, на сто первом люди не живут?

Николь, конечно, слабо разбиралась в ситуации, воспринимала предостережения доброжелательной подруги буквально. Тимофей видел в этом очередное унижение; опять где-то на привязи состоять...

Разговоры о несвободе творчества Тимофей всегда считал глупостью, если не надуманно-спекулятивными. (Были художники, которые приносили на выставки или для вступления в союз, где существовали свои требования, — заведомо непроходные работы, чтоб получить соответствующие дивиденды.) Кто может связать по рукам и ногам мысль, чувства?.. А вот независимость, независимость от организаций, объединений всяких, дворовых команд и т. д. и т. п. — табунить-ся он не любил.

Через много лет любопытную вещь, врасплох заставшую Тимофея, поведал, а точнее, вlepил прямо в лоб, заставившую задуматься, старый приятель. Тимофей вспоминал, как его изгнали из того самого профсоюза.

Дело было так. Небольшая группа — семь-восемь художников — решила устроить выставку на квартире. Профсоюзное же командование посчитало неправомерным проведение несанкционированных таких выставок. И разговор шел не о том, насколько это нелепо и унижительно. Тимофей не мог до сих пор понять — ПОЧЕМУ?

Всех участников выставки пригласили на собрание. Тимофей и тут не хотел идти, друзья уговорили. На собрании осудили этот акт и постановили вопрос об исключении из рядов профсоюза — почему-то! — Тимофея, его одного? Чем отличался он от других, сказано не было, но только его посчитали лишним. Без тени сожаления Тимофей покинул это заведение, но недоумение и загадка остались.

— Я ведь, — говорил Тимофей, — не участвовал ни в каких сомнительных акциях, ни в скандалах никаких не был замечен, ни даже в каких-либо спорах, я не был причастен ни к каким группировкам: ни творческим, ни каким-либо иным.

— Вот за это тебя и выставили — за независимость, — сказал приятель.

Оборона против посягательств на его свободу доходила порой до циничных выходок. В тот раз и подруга Татьяна, и Николь

оговорили-таки, и он поступил в Союз художников. Оказалось, это совсем несложно. И сама процедура была простой и демократичной. Назначена была дата заседания приемной комиссии. Надо было представить несколько работ, и по оценке комиссии выносилось решение.

А как собрались они в Париж и какая-то глупая баба посоветовала взять визу к жене в гости (опять глупость), пришлось обращаться в этот союз за кучей разных бумаг, тогда как простая виза на выезд никаких бумаг не требовала.

По бюрократическим законам, чтоб отправиться в заграничное путешествие, необходимо было представить характеристику с места работы (для художника — из творческого союза). Пришла та же подруга Таня, сказала:

— Характеристику, Тим, тебе не дадут.

Выдавать характеристику должны были на очередном заседании какой-то комиссии.

— У меня подруга, — продолжала Таня, — несмотря на молодые годы, солидный в правлении занимает пост. Вот она и сказала, что между собой уже решили характеристику тебе не давать.

В назначенный день Тимофей все-таки пришел на заседание. Войдя в зал, когда пригласили, увидел длинный, прямо свадебный стол, за которым восседали бородатые старцы. Насупленные и строгие. Те, что помоложе, затертые где-то на задах. Сесть Тимофею не предложили, он остался стоять, как подсудимый. Сидевший во главе стола, главный видимо, старец поднялся, сухо сказал:

— Вы просите характеристику, мы решили вам отказать, так как сказать о вас нечего. На творческие дачи вы не ездите, на выставках наших не участвуете, так что извините...

Тимофей:

— Так вот это самое и напишите: такой-сякой, нигде участия не принимает и т. д. Мне-то она ни к чему, характеристика, ее требует учреждение, выдающее визы.

— Такой характеристики мы дать не можем.

Старец явно начинал нервничать. Не ожидал наглой такой настойчивости. Начинался нелепый уже разговор. Наглецу указали на дверь, а он уперся, рассуждает стоит.

— Хорошо, — чтобы как-то разрулить ситуацию, сказал старец. — Перенесем этот вопрос на следующее заседание, которое состоится семнадцатого октября. И мы предлагаем вам на заседание принести ваши работы, а то мы не знаем вас как художника.

Бестолковая эта полемика неожиданно вдохнула в Тимофея прилив энергии, он почувствовал себя парящим соколом.

— Хорошо, — сказал он. — Я принесу свои работы, но и вы (он ткнул пальцем в важного старца) тоже свои принесите, я вас как художника тоже не знаю.

У старика затряслись губы, бледнея, он медленно опустился на стул. Лицо потеряло всякое выражение, взгляд направлен был в никуда, и тело, казалось, расплзаться стало в разные стороны. Тимофею стало страшно жаль старика. Он молча вышел из зала.

До сих пор не проходит чувство стыда за свой концерт. И доходит тогда, что понятие милосердия не пустое слово.

Или вот еще. С центрального телеграфа позвонил знакомому художнику в Вену. Поговорили о делах, о природе, о погоде.

— Дождь идет, — говорил тот.

Тимофей вышел на улицу. Веселое январское солнце. Снег, как водится, под ногами скрипел, разговаривал. Тверской исполосован тяжелыми синими тенями. Все искрится, радуется и, как в детстве, весело, непонятно от чего. Так жалко стало этого человека под венским дождем. Как можно жить без морозного воздуха? Как же тот глуп в самом деле. И как так получилось, что себе теперь задаешь тот же вопрос?

* * *

Собрались в кино. Встретиться договорились у кинотеатра. Тимофей опаздывал, торопился. Крупно валил снег, толпы людей, машины — все превратилось в кашу. Метров за сто от кинотеатра он вдруг остановился, стал рассматривать сквозь пургу упрямое черное пятно. Николь не двигаясь стояла в своей длинной тяжелой, как скафандр, шубе. До носа подняла воротник, зажав маленькой варежкой.

Пурга кидалась в разные стороны, черное пятно смазывалось, бледнело, но оставалось на месте. И вдруг стало ясно — а ведь это с ней, с этой вот женщиной, он проживет всю жизнь.

Николь тут ни при чем. В России она чувствовала себя хорошо и не раз предлагала:

— Давай останемся жить в Москве.

— Нет, если в России, то в деревне где-нибудь (это он закидывал провокационную удочку), козу заведем, доить умеешь?

— Научусь, чего там сложного.

Пару лет до этого появилась у него поклонница. Роскошная американская дама. В Москве она работала в нефтяной компании. Сослуживец ее шутил, как говорят, на манер советского фильма: «Пэмала (так ее звали) самая красивая американка Москвы и Московской области». И надо сказать, он не преувеличивал.

В детстве занималась балетом, но что-то там не срослось. В Москве не пропускала ни одной музыкальной программы: Большой, музыкальный театр Станиславского, консерватория. Мечтательная, романтическая барышня:

— Ах, русская музыка — лучшая в мире, и итальянская.

Тимофей писал тонкие, сентиментальные картины. Пэмала увешала свое жилье этими картинами.

— Тимофей, ты изумительный художник, но в этой стране ты погибнешь. Подумай о своей судьбе.

«Боже, какие же америкаши примитивные, — со смехом думал Тимофей. — Она и впрямь думает, что занятие искусством в России дело преступное, если не выдана индульгенция неким высшим начальством».

— Мне надо серьезно с тобой поговорить. Ты удивительно несерьезно относишься к своей судьбе, к своему таланту, в конце концов. Ты редкий художник, и это требует должного выхода. Я скоро уезжаю, мой контракт с фирмой заканчивается. Поедем со мной.

По-детски горделиво показывала альбомчик с фото своего тexasкого дома.

— Мой дядя, — называла должность, что-то вроде (Тимофей не помнил) министра культуры штата, — это связи по всей стране: музеи, галереи. Блестящая карьера...

Тимофей рассеянно молчал, как бы не понимая, о чем речь.

— Ну хорошо, если тебе у меня не понравится, держать не стану, отпущу в Нью-Йорк, где живут все русские.

Про себя Тимофей давился от смеха, слушая всю эту дикость. Пэмала неплохо говорила по-русски: «ой, батюшки» — кстати и некстати вставляла, блеснуть хотелось неординарным знанием русского — выражение из девятнадцатого века, подцепленное, видимо, от какой-нибудь бабушки, преподававшей в их университете. Любила русскую оперу: Рахманинова, Чайковского, Прокофьева. От балета просто умирала; за каждый просмотр, от волнения, теряла по килограмму веса. Но Тимофей смотрел на нее как на инопланетянку.

Смешно и дико подумать даже, чтобы он, Тимофей, даже за такими дарами, о которых мечтает каждый художник: музеи, галереи, отправился в техасскую пустыню (к кактусам), на Гудзон или в Калифорнию. И как это будет он жить с этой прекрасной куклой?

* * *

Николь была другая, совсем своя. Не только на инопланетянку, но и на приезжую с средиземноморского побережья была не похожа. Говорила — большая редкость — без акцента. Отлично знала русскую историю, литературу русскую на уровне специалиста, а русскую грамматику могла бы преподавать в советской школе. Позже, когда Тимофей писал письма в Москву, она непременно проверяла их на предмет грамматических ошибок.

Умна, образованна, при этом никаких амбиций. Тимофею нравилось, что у нее не было ни дома, ни положения в обществе, ни даже постоянной работы. Знание языка, пусть даже блестящее, еще не профессия. Во многих случаях она была более русской, чем русские его знакомые. Так что коза в деревне ее не пугала.

Родилась в простецкой семье в маленькой деревеньке в Провансе и прожила там до шести лет. На ночь в постель ей клали завернутую в тряпку бутылочку с горячей водой, и, обнявшись с ней, она засыпала. В южных краях зимы суровые — не топят, лета ждут. Вспоминал, как мерз в миланском отеле, вполне даже приличном.

Затем родители переехали в Марсель, большой город. Детство просидела с девичьими мечтами в маленьком садике под окном с романтическими книжками. Для изучения язык в университете выбрала русский. Космонавты, ледоколы атомные, гигантские стройки и сама Россия — огромная... Русский язык был в моде.

С первого курса еще устроилась гидом и каждое лето колесила по России, сопровождая группы. Объехала полстраны. Кроме старых городов Центральной России была на Байкале, на Алтае, в Армении была, в Грузии, в Узбекистане. По окончании университета год стажировки в Москве в МГУ. Там подвернулась работа в торговой французской фирме, и она осталась в Москве еще на четыре года. Работа не была связана с языком. Всех работников насчитывалось: директор (по-русски ни слова), зам. — Николь и еще три русских девушки с французским, которые весь день трещали без умолку ей в уши (по-русски, конечно).

Любопытным типом был ее начальник. На первый взгляд — человек, не умеющий улыбаться, с неразрешимой проблемой в глазах. Но непоседа. Заслышит цоканье каблучков по коридору (офис находился в большом помещении, где располагались разные учреждения), срывается с места, и нос уже торчит в коридор. Но строг.

Узнав, что Николь собралась замуж за русского, пригрозил уволить, вернее, не продлить контракт, как предполагалось. «На твой контракт мне плюнуть и растереть», — отвечала Николь. Но это было потом, а несколькими месяцами раньше забавный вышел случай. Отметим, что служебная субординация во Франции не пустой звук.

Воскресный день выдался прохладный, ветренный. Купаться холодновато, а вот прогуляться по зеленой травке за городом — в самый раз. Отправились на Москву-реку, к Николиной Горе. Место истоптанное, но удобное. Хваленый пляж кишел руками, ногами, задками отдыхающих. Не задерживаясь, пошли по реке подальше от толпы. Берег кипел цветами, бабочки всякие там, стрекозы — красота. Протопали километра три, тишина первозданная. На другом берегу коровы лениво тыкались в землю. Выскочило солнце, припекать стало. И тут маленький прогал — среди зарослей ивняка. И песочек желтенький. Искупаться зовет. Вокруг ни души, можно и безо всего, голышом.